

Нарастание кризисных явлений в экономике СССР: оценка руководством страны (осень 1989 года)

Сидоров Александр Валентинович

Доктор исторических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: sidorov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [7037-8772](https://elibrary.ru/7037-8772)

ORCID ID: [0000-0002-3411-9515](https://orcid.org/0000-0002-3411-9515)

Аннотация

В современном мире проблема выявления сигналов наступающего экономического кризиса приобретает особое значение, поскольку раннее обнаружение кризисных тенденций дает дополнительный временной лаг и увеличивает возможности предотвращения кризисного развития. Осознание возникающих угроз экономическому развитию базируется на анализе и точной интерпретации информации о положении дел в хозяйственной сфере. Все это невозможно без учета опыта, накопленного предыдущими эпохами. Статья посвящена изучению экономической информации, которой обладало руководство Советского Союза в преддверии глубокого экономического кризиса рубежа 1980–1990-х годов, и ее интерпретации, положенной в основу экономической политики. В качестве временной точки рассматривается осень 1989 года, когда в Верховном Совете СССР проходило обсуждение плана социального и экономического развития страны и ее бюджета на 1990 год. 1989 год — последний год в истории СССР, когда наблюдался небольшой экономический рост, но обнаружились ясные сигналы наступающего кризиса. Рассмотрение экономической информации и ее интерпретация базируются на данных стенографических отчетов Второй сессии Верховного Совета СССР с использованием историко-генетического, историко-системного, историко-динамического и других принципов. В статье рассматривается определение правительством страны основных факторов, влиявших на ситуацию в экономике, оценки влияния предшествующего развития, «кризисогенных» факторов политики перестройки, кризисные явления в финансовой системе страны и нарастание дефицита товаров, а также некоторые другие. Сделан вывод, что руководство СССР, обладая достаточно полной информацией о негативных изменениях экономики, не смогло верно ее интерпретировать. Ошибки интерпретации (искажение реального положения дел) были вызваны рассмотрением лидерами СССР экономической реальности сквозь призму политики перестройки, с реализацией которой они связывали свою политическую будущность.

Ключевые слова

Экономика СССР, Верховный Совет СССР, перестройка, экономический кризис, 1989 год, М.С. Горбачев, экономическая информация, интерпретация информации.

Growing Crisis in the USSR Economy: An Assessment by the Country's Leadership (Autumn 1989)

Alexander V. Sidorov

DSc (Historical Sciences), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: sidorov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-3411-9515](https://orcid.org/0000-0002-3411-9515)

Abstract

In the modern world, the problem of identifying signals of an impending economic crisis is of particular importance, since the detection of crisis tendencies gives an additional time lag and increases the possibility of preventing crisis development. Awareness of the emerging threats to economic development is based on the analysis and correct interpretation of information about the state of affairs in the economic sphere, which is impossible without taking into account the experience accumulated by previous eras. The article is devoted to the study of economic information possessed by the leadership of the Soviet Union on the eve of the deep economic crisis at the turn of the 1980-1990s and its interpretation, which was the basis of economic policy. Autumn 1989 is considered as a time point, when the USSR Supreme Soviet discussed the country's social and economic development plan and its 1990 budget. 1989 is the last year in the history of the USSR when there was little economic growth, but clear signals of an impending crisis emerged. Consideration of economic information and its interpretation are based on the data of verbatim records of the Second Session of the USSR Supreme Soviet with the use of historical-genetic, historical-systemic, historical-dynamic and other principles. The article examines how the government of the country determined the main factors affecting the situation in the economy, assessed the impact of previous development, "crisis-generating" factors of the restructuring policy, crisis phenomena in the country's financial system and the growing shortage of goods, as well as some others. The article concludes that the leadership of the USSR, having sufficiently complete information about the negative changes in the economy, wasn't able to interpret it correctly. Errors of interpretation (distortion of the real state of affairs) were caused by the consideration of economic reality by the leaders of the USSR through the prism of the policy of perestroika, with the implementation of which their political future was associated.

Keywords

Economy of the USSR, Supreme Soviet of the USSR, perestroika, economic crisis, 1989, M.S. Gorbachev, economic information, interpretation of information.

Введение. Постановка проблемы

Тридцать лет назад произошло крушение одного из полюсов мировой политической системы второй половины XX столетия — Советского Союза. Это событие стало определяющим для дальнейшего развития всего мира. Ретроспективный взгляд на любую современную мировую проблему с неизбежностью упирается в события конца прошлого века. Разрушение СССР произошло

без какого-либо очевидного и серьезного вмешательства внешних сил, предотвратить негативное действие которого было бы невозможно. Советская история свидетельствовала о способности общества преодолеть серьезнейшие кризисы, вызванные действием внешних факторов, как, например, в годы Великой Отечественной войны. Разрушение СССР стало результатом действия внутренних факторов, среди которых особое внимание исследователей привлекает экономический.

Конечно, крушение союзного советского государства — в первую очередь явление политическое, но произошло оно на фоне глубочайшего кризиса экономической системы, в условиях, когда политическая власть начала глубокую экономическую реформу. Смогла бы экономическая система в результате предпринимаемых преобразований получить второе дыхание и продолжить свое существование в обновленном виде? Ответ на этот вопрос скрыт под обломками советского социума. Нам остался опыт государственного антикризисного управления, анализ которого имеет огромное значение «для нашей страны и для всего мира», как обозначил значение перестроечного «нового мышления» М.С. Горбачев в заглавии своей книги.

Проблема изучения исторического опыта антикризисного управления экономикой в условиях перестройки достаточно обширна. Нарботки отечественной исторической науки в этой сфере до середины 10-х годов XXI века представлены в историографическом обзоре А.С. Ващук [Ващук 2015]. В последующие годы в центре внимания исследователей продолжали оставаться вопросы анализа неудачи экономической трансформации страны к рынку [Полынов, Тарасова 2017; Пихоя 2019], проводилось исследование ряда факторов (например, инфляции и тотального дефицита), усугубивших кризисные явления в экономике [Полынов 2017]. Естественно, что анализ советских неудач сопоставлялся с достаточно успешным опытом руководства трансформационными процессами в КНР [Vogel 2011; Шелюто 2019], что создает основу для компаративистского изучения этой проблемы. Зарубежная наука, прежде всего европейская и американская, рассматривала экономические процессы в СССР как основу разрушения одного из полюсов биполярного мира XX столетия, завершившегося окончанием холодной войны и переменами в Восточной Европе [Wilson 2014; Transcending the Cold War 2016]. В исторической науке продолжали занимать видное место и вопросы изучения субъективного фактора — действий людей, занимавших лидерские позиции в тот период. При этом сосредотачивалось внимание не только на М.С. Горбачеве, но и на ряде других лиц высшего руководства страны [Pipes 2015; Якутин 2020], а также региональных деятелей [Чуев 2020; Бугай, Бушуева 2021]. Но антикризисная политика советской власти этого периода не стала предметом исследовательского внимания. Зато все больше работ появляется по проблемам теоретического осмысления кризисного развития [Даймонд 2020; Букстейбер 2021], которые создают необходимую основу для углубленного изучения антикризисной политики последнего периода существования Советского Союза.

Общая оценка проводимой в СССР антикризисной политики, приведшей к такому негативному результату, не вызывает сомнения. Встает вопрос: в чем же состояли ошибки этой политики, имевшей столь плачевный итог? На каком этапе выработки и осуществления этой политики они были допущены? Конечно, вся проблематика кризиса рубежа 1980–1990-ых годов вряд ли может быть полно раскрыта в одной статье. А поэтому целью данной работы является вопрос о понимании руководством страны опасности, нависшей над обществом, о степени владения им информацией о кризисных явлениях в экономике и точности ее интерпретации, положенной в основу целеполагания и выработки конкретных антикризисных мер.

Для достижения этой цели выбран период чуть больше месяца 1989 года, когда Верховный Совет СССР как новый представительный орган верховной власти обсуждал на своих заседаниях план развития экономики и социальной сферы и бюджет страны на 1990 год. Обсуждение этих вопросов, отраженное в стенограммах заседаний Верховного Совета СССР, позволяет достаточно адекватно рассматривать работу руководства страны с имеющейся информацией, опираясь на сложившиеся в исторической науке методы исследования: историко-динамический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный и ряд других.

Выбор 1989 года вполне объясним. Это был последний год, когда большинство основных общенациональных показателей развития в годовом исчислении еще имели положительное значение, хоть и очень небольшое; когда негативные тенденции развития экономики и социальной сферы не только наметились, но и стали очевидны для элиты общества; когда завершалась очередная пятилетка страны и необходимы были ориентиры на ее последний год. Рубежность этого года не раз отмечалась в литературе в связи с внешними и внутренними событиями, а сам 1989 год даже становился частью названий научных исследований [Sarotte 2009; Арзыматова 2016].

Определение основных факторов негативного влияния на экономику страны

В соответствии с требованиями Конституции СССР Совет министров Союза внес в сентябре 1989 года в Верховный Совет проект плана и бюджета страны на 1990 год. 25 сентября, в первый день работы второй сессии Верховного Совета, эти проекты были представлены депутатам первым заместителем председателя правительства СССР Л.А. Ворониным и министром финансов Союза В.С. Павловым. На следующий день решением совместного заседания палат проекты плана и бюджета были переданы «на заключение постоянным комиссиям палат и комитетам Верховного Совета СССР»¹. К концу октября эти заключения были подготовлены, и 30 октября Верховный Совет начал обсуждение проектов плана и бюджета на совместном заседании палат. 31 октября были приняты постановление Верховного Совета СССР «О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1990 год»² и закон СССР «О Государственном бюджете СССР на 1990 год»³.

Материалы обсуждения и принятия решений по этим вопросам дают возможность раскрыть сущность представлений политической элиты об оценке экономической ситуации в стране и определить степень ее готовности реально бороться с кризисными тенденциями в экономике и социальной сфере.

Неблагополучие в экономической сфере было хорошо понятно и правительству, обладавшему всей необходимой информацией, и депутатам, несколько месяцев назад завершившим свою избирательную кампанию и в силу этого хорошо представлявшим реальную практику хозяйственной жизни. Недаром при обсуждении повестки дня второй сессии советского парламента прозвучали голоса о необходимости постановки вопроса о чрезвычайных мерах экономического оздоровления страны, а саму ситуацию в экономике характеризовали как кризис⁴. Но руководство страны не было готово к столь жестким оценкам положения в народном хозяйстве и стремилось не давать ее определения как кризисной, хотя и не могло скрыть серьезности переживаемого момента. Председатель Верховного Совета СССР М.С. Горбачев предпочел говорить о круге неотложных проблем, в который он включил вопросы продовольствия, производства товаров и состояния финансов⁵.

Позицию правительства по оценке сложившейся экономической ситуации озвучил Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.А. Воронин. Характеризуя 1989 год, он говорил: «Динамизм экономики в текущем году из месяца в месяц по многим важнейшим направлениям снижался. Усиливалась социальная напряженность, ослаблялась сбалансированность народного хозяйства. На фоне этих процессов нарастали дефициты и на потребительском рынке, и в производстве»⁶.

Правительство выделило пять основных проблем-факторов, негативно влиявших на экономику страны:

- 1) полный срыв в работе железных дорог, причина которого виделась в забастовках и неорганизованности на местах;
- 2) неудовлетворительная подготовка к приближающейся зиме, что также связывалось с забастовочным движением шахтеров и проблемами транспорта;
- 3) дестабилизация материального производства, отражением которой явилось снижение выпуска товаров, невыполнение плановых заданий и падение договорной дисциплины;
- 4) рост цен;
- 5) нерегулируемый рост оплаты труда, который разрушал внутренний рынок⁷.

В докладе Л.А. Воронина были приведены данные, подтверждающие позицию правительства. За период с апреля по сентябрь 1989 года железные дороги не перевезли 40 млн т грузов. В результате сотни промышленных предприятий вынуждены были сокращать свое производство из-за отсутствия необходимого сырья и комплектующих. В свою очередь, оказалась невывезенной изготовленная продукция. Ее запасы на складах предприятий значительно выросли: химических удобрений — в 1,3 раза, железной руды — 1,7 раза по сравнению с предшествовавшим годом. На базах Госкомнефтепродукта скопилось 120 тыс. т бензина и 400 тыс. т дизельного топлива. Из 178 важнейших видов продукции, отслеживаемой органами статистики, за 8 первых месяцев 1989 года снижение объемов, по сравнению с 1988 годом, произошло по 62. Добыча нефти сократилась за этот

¹ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. VIII. 27–28 ноября 1989 г. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1991. С. 151.

² Там же. С. 168–173.

³ Там же. С. 173–177.

⁴ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. I. 25 сентября – 2 октября 1989 г. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1990. С. 11.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 35.

период на 10,5 млн т, угля — на 20,7 млн т. Сократилось производство бензина, дизельного топлива, удобрений, химических волокон, пиломатериалов, целлюлозы, мясных консервов и других товаров⁸. При этом возрастающая негативная динамика была характерна и для отдельных кварталов 1989 года. Ослабление договорной дисциплины привело к тому, что в третьем квартале по договорам было недопоставлено продукции в 1,5 раза больше, чем за первое полугодие. Только за июль и август 1989 года в торговлю было недопоставлено товаров народного потребления на 4 млрд рублей, в том числе на 1 млрд рублей продовольствия⁹. Министр металлургии СССР С.В. Колпаков, выступая перед депутатами, говорил: «Положение в металлургии сегодня сложилось настолько критическое, что трудно даже представить себе его фактическое состояние. Если за полугодие мы имели сотни тысяч выплавленных сверх плана тонн чугуна, стали, 700 тыс. тонн проката, то за три месяца этого квартала мы потеряли все, что было сверх плана, и уже 400 тыс. тонн планового проката, то есть потеряли миллион тонн проката, потеряно около 2 млн тонн стали, и цепь эта идет дальше. За металлургами вся советская промышленность, транспорт — все потребители металла. Вдумайтесь, куда мы идем»¹⁰.

«Груз прошлого»

Причины создавшегося положения правительство видело, как и прежде, в «грузе прошлого», под которым понималась копившаяся годами несбалансированность экономики, но также отмечало воздействие комплекса новых явлений и тенденций, проявившихся в 1988–1989 годах.

Ярким примером наследия прежнего периода экономического развития страны выступало сельское хозяйство. Традиционное наращивание из года в год и из пятилетки в пятилетку капитальных вложений, материальных и финансовых ресурсов не давало ожидаемых результатов. Создаваемый в аграрном секторе экономический потенциал использовался неэффективно. Результат не мог удовлетворить руководство страны. По данным статистики за 1988 год, каждый третий гектар посева зерновых культур дал урожай менее 10 центнеров, а в каждом седьмом хозяйстве надои молока от коровы не превышали 2 тыс. килограммов¹¹.

Положение в сельском хозяйстве усугублялось и наличием значительных долгов перед государством у сельхозтоваропроизводителей. Эти долги регулярно списывались, или их выплаты переносились на более поздние сроки, что лишало хозяйства стимулов к налаживанию эффективного производства. На начало 1989 года колхозы имели отсроченные кредиты на сумму в 63,5 млрд рублей. При этом выплата долгов на сумму 58,1 млрд рублей была перенесена на 2005 год, и лишь 5,4 млрд рублей должны были быть выплачены в 1988–1990 годах. Отсрочка выплат касалась и вполне рентабельных хозяйств: отсроченные выплаты на 23 млрд рублей приходились на хозяйства с рентабельностью в 25%, а около 10 млрд рублей — на хозяйства с рентабельностью, превышающей 40%. Необходимость списания этих долгов обосновывалась тем, что задолженность колхозов препятствовала росту производительности труда, внедрению передовых форм организации производства, решению социальных проблем на селе¹².

На региональном уровне существовали многие застарелые для экономики Советского Союза проблемы. К их числу относилась проблема безработицы в ряде регионов страны. Особенно остро этот вопрос стоял в республиках Средней Азии. Только в Узбекистане, по данным правительства, было «не занято» (этот термин более устраивал руководство страны, чем «безработица») более 1 млн человек¹³. Решение проблемы правительство видело в реализации программы по созданию мелких производств на базе модулей для агропромышленного комплекса, для электроники, для легкой промышленности¹⁴.

Социальная активность населения

Какие же «кризисогенные» факторы, негативно влиявшие, по мнению правительства, на хозяйственное развитие страны, несли с собой политика перестройки?

Среди них в первую очередь выделялся рост политической активности населения, сопровождавшийся падением трудовой и исполнительской дисциплины, снижением в том числе ответственности за выполнение договорных и плановых обязательств¹⁵. Социальная активность советских людей привела к тому, например, что многие производства химико-лесного комплекса в годы

⁸ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. I. 25 сентября – 2 октября 1989 г. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1990. С. 19, 35.

⁹ Там же. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же, 1990. С. 136.

¹³ Там же. С. 64–65.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 19.

перестройки были остановлены по экологическим и другим соображениям. Как отмечал Л.А. Воронин, «в текущей пятилетке далеко не всегда с достаточным обоснованием, по одностороннему решению местных органов выведены мощности по производству более миллиона тонн минеральных удобрений, такого же количества серной кислоты, свыше одного млн тонн аммиака, почти 400 тыс. тонн целлюлозы, 85 тыс. тонн бумаги, 100 тыс. тонн картона и целого ряда других остродефицитных продуктов»¹⁶. В 1989 году в связи с действиями общественности под угрозу остановки или ограничения производства были поставлены предприятия, выпускающие 885 тыс. тонн целлюлозы, что могло повлечь за собой недовыработку около 1,5 млн тонн бумаги и картона¹⁷.

Наиболее ярко эта политическая активность проявилась в забастовочном движении. Руководство страны столкнулось с явлением, опыта реагирования на которое у него не было. Выступая на первой сессии Верховного Совета СССР, М.С. Горбачев говорил, оценивая влияние забастовок: «Может, это самое тяжелое испытание за все четыре года перестройки, в которое попала наша страна. Почему, вы скажете, ведь был же Чернобыль, были другие тяжелые события? И тем не менее я сегодня это выделяю как самое серьезное, самое трудное»¹⁸. Результатом забастовок только в июле 1989 года явилось недополучение смежниками 6 млн тонн угля и 2 млн тонн угольного концентрата. Даже в сентябре угольная промышленность еще не вошла в нормальный ритм работы: недопоставки составили более 3 млн тонн угля, включая 600 тыс. тонн коксующегося, что ставило металлургические предприятия в сложное положение: запасов коксующегося угля у металлургов хватило бы всего на 3 дня работы. Вдвое снизилось накопление запасов угля для продажи населению и обеспечения коммунально-бытовых нужд. Запасы угля на электростанциях на 1 октября 1989 года снизились по сравнению с 1988 годом на 4,5 млн тонн¹⁹. Столь тревожное положение в угольной промышленности было результатом не только забастовок шахтеров, но и проблем в работе железнодорожного транспорта. Как отмечал народный депутат от Кемеровской области С.И. Неволин, в 1989 году в Кузбасс железные дороги не поставили по сравнению с планом 176 320 вагонов, оказалось не отгружено 9 млн тонн угля (в том числе 1,5 млн тонн коксующегося), на угольных складах региона скопилось 12 млн тонн невывезенной продукции²⁰.

Одним из решений для преодоления забастовочного кризиса было выделение 1 млрд рублей дотаций для повышения оплаты труда шахтеров. Этот метод был чрезвычайно опасен, о чем депутаты предупреждали правительство, поскольку вызывал цепную реакцию в других отраслях. Министр металлургии СССР С.В. Колпаков по результатам поездки по отраслевым предприятиям Восточной Сибири, Урала и Донбасса докладывал депутатам о возмущении рабочих: «Металлурги говорят: чем мы хуже шахтеров? Или давайте нам, или не давайте никому»²¹.

Правительство признавало эту опасность, но считало, что повышение цен на уголь гораздо опаснее для экономики страны. «Повышение цен само по себе никаких благ в народном хозяйстве не создает, — озвучил позицию правительства министр финансов В.С. Павлов. — Повысим цены на уголь — значит, будет удорожание электроэнергии, и пошла цепочка. Ничего от этого не появится в стране. Речь как раз идет о том, чтобы в принципе все потери от забастовок, если мы не хотим ударить этими забастовками еще больше по нашему жизненному уровню, должны быть отработаны за счет увеличения объема продукции и улучшения организации труда. А как оформить эту продукцию — через цены или через прямые ассигнования, как и в этом случае технически правильно сделать, — обсудим. Я думаю, что речь идет о том, чтобы сделать этот механизм хозрасчетным, когда за увеличением реальной продукции увеличивались бы и денежные доходы производителя. В угольной промышленности этого, к сожалению, пока нет, потому что добыча угля у нас убыточна»²². Угольные предприятия поставляли свою продукцию по цене в среднем примерно в 12 рублей за тонну, тогда как оценка результатов деятельности давалась исходя из 17,5 рублей за тонну. Эту разницу и доплачивало государство в форме дотаций угольной промышленности из госбюджета. Сумма дотаций составляла около 6 млрд рублей²³.

¹⁶ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. I. 25 сентября – 2 октября 1989 г. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1990. С. 33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Первая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. VIII. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 78.

¹⁹ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 205.

²⁰ Там же. С. 209.

²¹ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 219.

²² Там же. С. 134.

²³ Там же. С. 139.

Забастовки 1989 года проходили не только в угольной промышленности. Как отмечал Л.А. Воронин, на 1 сентября 1989 года из-за невыходов на работу было потеряно 5 млн человеко-дней рабочего времени, из которых 2 млн приходилось на республики Закавказья в связи с расширявшимся армяно-азербайджанским конфликтом. Прямые потери продукции оценивались в 0,5 млрд рублей, а косвенные — в 2 млрд рублей. Социальные и национальные конфликты дестабилизировали работу железнодорожной сети: в августе и сентябре по этой причине оказались неперебазированными 36 млн тонн грузов, стоимость которых составляла около 13 млрд рублей. Только в сентябре было перевезено меньше плана товаров широкого потребления на 330 тыс. тонн и продовольствия на 300 тыс. тонн. В морских портах оказались невыбазированными более 2 млн тонн импортных грузов (зерно, сахар, моющие средства и другие дефицитные товары). В Восточной Европе простаивали 130 поездов с грузами для Советского Союза (результат забастовок в Молдавии). Блокирование железных дорог Закавказья (разборка железнодорожных путей, взрывы мостов, обстрелы и т.п.) привело к тому, что за август и сентябрь 1989 года Армения не получила 32 тыс. вагонов с продовольствием, топливом, строительными материалами для восстановительных работ в зоне землетрясения и другими товарами²⁴. Народный депутат СССР, заведующий кафедрой Ростовского института железнодорожного транспорта В.И. Колесников, говоря о ситуации, возникшей в Армении в результате транспортной блокады, отмечал, что из-за срывов поставок горючего остановлен не только промышленный транспорт, но и машины скорой помощи, отсутствует возможность подвести продовольствие к детским и медицинским учреждениям²⁵.

Причины усиления забастовочного движения проистекали не только из экономики и социальных проблем. Политическая борьба все в большей степени начинала использовать этот инструментарий. Говоря о проблемах железнодорожной отрасли, о срыве перевозок, министр путей сообщения СССР Н.С. Конарев разъяснял ситуацию депутатам Верховного Совета СССР: «Каждая республика у себя покрывает нарушителей, а нарушители налицо. Здесь выступал машинист, депутат, он говорил, что вынуждены так поступать. А мне и он, и его товарищи по работе говорили, — я был в этом депо, — хотим работать, почему нам не дают работать, руководство же говорит — мы платим... Товарищи, дело серьезное. Не бастуют, а не дают работать. Как только машинист выходит, под поезд, словно по мановению волшебной палочки, через час — через два высыпает народ. Дети, женщины ложатся на рельсы, чтобы поезд не отправлялся»²⁶.

Ошибки перестройки

Определенные негативные последствия для экономики страны принесла и антиалкогольная кампания, развернутая весной 1985 года. Этот вопрос был в центре внимания общества в конце 1980-х годов, а потому только что прошедшие непростую избирательную кампанию депутаты потребовали от правительства отчета по этому поводу. Министр финансов В.С. Павлов таким образом изложил видение правительства этого вопроса. В 1984 году производство водки и ликеро-водочных изделий составляло 280,5 млн декалитров, вина — 446 млн декалитров. Предлагавшийся правительством проект плана на 1990 год предусматривал выпуск 180 млн декалитров водки и ликеро-водочных изделий и 201,8 млн декалитров вина. Объем самогонварения оценивался правительством в 70 млн декалитров. Объем потребления алкоголя на душу населения снизился с 10,2 литра до 6,2 литра по водке и с 16,2 до 7 литров по вину. Сокращение доходов бюджета от свертывания производства алкогольной продукции за этот период составило 91,8 млрд рублей. При этом 67 млрд рублей были восполнены за счет повышения цен на алкогольную продукцию. Самогонварение, по данным правительства, не привело к значительному росту потребления сахара населением: если в 1984 году его продали 8,34 млн тонн, то в последующие годы эта цифра составляла до 9 млн тонн²⁷.

Экономическая реформа, осуществлявшаяся правительством, также негативно сказывалась на хозяйственном развитии страны. Нарушения кооперационных связей предприятий, сбои в хозяйственных цепочках связывались с демократизацией управления экономикой и выводом из системы централизованного планирования и распределения значительной массы продукции. Отсутствие реального рынка, его неразвитость, как отмечалось в докладе правительства, непригодность системы ценообразования к новым рыночным условиям приводили к диктату производителя. В условиях провозглашенной экономической самостоятельности предприятий прежние инструменты экономического управления оказались отмененными (всеохватывающие директивные

²⁴ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 205–206.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Там же. С. 220.

²⁷ Там же. С. 137–138.

плановые задания) или неэффективными, а новые, базирующиеся на рыночной конъюнктуре и конкуренции производителей, не отлаженными. В этих условиях произошел взрыв «группового эгоизма» производителей, проявившийся в ценовом нагнетании прибыли. На предприятиях происходил рост доходов и оплаты труда, которые не соответствовали росту произведенного продукта. Отмечалось стремление предприятий к отказу от производства дешевого ассортимента продукции, к использованию своей продукции как средства прямого обмена в ущерб договорным обязательствам и заданиям по госпоставкам. Все это расценивалось исполнительной властью как издержки переходного периода²⁸.

Предполагалось, что источником насыщения потребительского рынка товарами и услугами станут кооперативы, но в 1989 году этого не произошло. Многие из них не столько перерабатывали, сколько перепродавали государственное сырье по более высоким, по сравнению с государственными, ценам, что превращало их в еще один фактор дополнительного напряжения в социальной сфере. «Есть основания считать, — отмечал Л.А. Воронин, — что в ряде случаев через кооперативы легализовалась теневая экономика, которая также выплеснула в обращение лежавшие ранее под спудом деньги»²⁹.

Межнациональные конфликты и забастовочное движение привели к дополнительному нетоварному вбросу денег в обращение. Удовлетворение требований участников конфликта, даже признаваемых властью справедливыми, в условиях отсутствия общегосударственной политики в этой сфере, связанной с учетом реальных экономических возможностей страны, приводило на практике к росту дефицита, инфляции, нарастанию общей социальной напряженности³⁰.

Об этих факторах не раз говорилось в более или менее смягченном виде в различных аудиториях, и они были хорошо известны. Но правительство обращало внимание на их новое качество, связанное с приобретением ими системности, появлением эмерджентности. «В своем развитии они начинают действовать в комплексе, взаимодействовать между собой, приобретают целостное качество»³¹, — отмечал Л.А. Воронин.

Кризис финансовой сферы и проблема дефицита

Выступивший на сессии Верховного Совета СССР с докладом о проекте бюджета страны на 1990 год министр финансов Союза В.С. Павлов оценил ситуацию в финансовой сфере как кризисную³². И, хотя дефицит государственного бюджета по итогам 1989 года должен был быть ниже утвержденного на 29 млрд рублей, он составил 92 млрд рублей. Внутренний государственный долг к концу года должен был превысить 400 млрд рублей³³.

Еще одной проблемой финансовой сферы в перестроечный период явилось увеличение свободных денежных средств на счетах предприятий и в карманах населения. Только у предприятий остатки средств за 1986–1988 годы выросли в 2 раза, превысив цифру в 100 млрд рублей³⁴. Часть этих средств в условиях командной экономики перераспределялась внутри отрасли: средства успешных предприятий изымались и передавались для поддержки отстающих. Через подобную систему перераспределения финансовых ресурсов передавалось ежегодно до 40 млрд рублей³⁵. Существование такой системы позволяло отраслевым министерствам улучшать свои отчетные показатели, но не имело ничего общего с провозглашенными принципами хозрасчета и самофинансирования. Вред подобного перераспределения, не отвечающего даже минимальным требованиям повышения эффективности работы предприятий, осознавался экономическим руководством страны. Но отказ от нее был чреват не только утратой «отраслевого имиджа» руководства, но и серьезными социальными проблемами.

В этом же ключе действовала и существовавшая в Советском Союзе система кредитования. По словам министра финансов, она приводила к тому, что «около 100 млрд рублей ссудного фонда используются вне сферы производительного оборота, покрывают фактические убытки и бесхозяйственность»³⁶. Это было возможным в условиях проводимой политики «дешевого» кредита, имевшего, по сути, эмиссионный характер.

²⁸ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 19.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 19–20.

³¹ Там же. С. 20.

³² Там же. С. 43.

³³ Там же. С. 43, 44.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Там же. С. 58.

Перебои в работе железнодорожного транспорта, спад в промышленности и другие факторы негативно сказывались на наполнении государственного бюджета. По сравнению с планом платежей к осени 1989 года государственный бюджет не получил почти 2,5 млрд рублей. Снижение промышленного производства в сентябре принесло потери в размере еще около 300 млн рублей. Оценка министерством финансов СССР потерь бюджета за весь 1989 год составляла 6 млрд рублей³⁷. Все это происходило на фоне положительной динамики доходов государственного бюджета в предшествующие перестройке десятилетия [Баканов 2021].

Механизм усиления кризисных явлений в финансовой сфере был вполне понятен правительству. «На многих предприятиях и в кооперативах, — отмечал Л.А. Воронин, — вздувают цены на свою продукцию, “гонят” вверх стоимостный объем, снижают загрузку мощностей. От искусственно созданной прибыли отчисляют реальные блага, которые, правда, сразу же теряют реальную стоимость в условиях перенапряжения внутреннего рынка»³⁸. В этом неуправляемом росте цен правительство видело одну из самых негативных тенденций. Министр финансов разъяснил результаты действия этого механизма, приведя конкретные цифры. В 1989 году сверхплановые денежные доходы населения (после уплаты налогов) должны были составить 44 млрд рублей, а продажа товаров и оказание платных услуг — 4 млрд рублей. По мнению министерства финансов, в результате возрастут сверхплановые остатки денег у населения, а их эмиссия составит 18 млрд рублей, что в 1,5 раза превысит эмиссию 1988 года³⁹. По оценкам министерства финансов СССР, к концу 1989 года денежные средства у населения должны были превысить 470 млрд рублей. А если учесть, что в среднем за день тратилось населением чуть больше 1 млрд рублей⁴⁰, то ликвидация этого денежного навеса над экономикой представлялась довольно длительной проблемой. Это не только понижало покупательную способность рубля, но и увеличивало дефицит товаров народного потребления. По данным Л.И. Абалкина, отвечавшего в правительстве за осуществление экономической реформы в ранге заместителя председателя Совета министров СССР, нарастающее расхождение между денежными доходами и расходами населения имело разрушительные последствия для экономики страны: если в 1986 году доходы советских граждан превышали их расходы на 28 млрд рублей, то в 1989 году эта цифра выросла более чем в 2 раза — до 61,8 млрд рублей [Абалкин 1991, 91–93].

О том, что дефицит товаров становился одним из мощных факторов дестабилизации не только экономической сферы, но всей жизни советского общества, свидетельствовало принятое 8 сентября 1989 года постановление Политбюро ЦК КПСС «О неудовлетворительном обеспечении населения непродовольственными товарами первой необходимости». В этом постановлении в стилистике тех лет отмечалось, что «трудящиеся справедливо выражают крайнее недовольство перебоем и исчезновением из свободной продажи многих товаров, и особенно мыла, стиральных порошков, школьных тетрадей и карандашей, лезвий для бритвы, зубной пасты, гальванических элементов и батарей, игл к швейным машинам, застёжек “молния”, электрических утюгов, чайников, плиток, а также обуви, меховых изделий, лесных и строительных материалов»⁴¹. Это далеко не полный перечень тех товаров, обнаружить которые на полках магазинов было уже трудно в 1989 году.

В общественном сознании того времени проблема образования дефицита товаров народного потребления приобретала иногда довольно фантастические объяснения. С одной стороны, их производство продолжало пусть медленно, но увеличиваться. Это было очевидным. Но, с другой стороны, нарастал их дефицит, очевидны были и пустые полки магазинов. Куда же исчезали производимые товары? Для многих граждан страны единственным правильным ответом казался вывоз этих товаров за рубеж, поддержка населения других стран социалистической системы. Это прозвучало и в вопросах, задававшихся депутатами правительству при обсуждении плана и бюджета страны на 1990 год. Правительство с цифрами в руках пыталось убедить депутатов в обратном. За первое полугодие 1989 года в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) было направлено товаров народного потребления на 556 млн рублей, в то время как из стран СЭВ было получено в 1988 году таких товаров на 6 млрд рублей⁴².

³⁷ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. IV. 24–31 октября 1989 г. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1990. С.98.

³⁸ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 36.

³⁹ Там же. С. 44.

⁴⁰ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. IV. С. 98.

⁴¹ Справочник партийного работника. Вып. 30-й. 1990. М.: Политиздат, 1991. С. 235.

⁴² Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 66.

Необходимо было объяснить реальные механизмы возникновения дефицита товаров народного потребления, чтобы успокоить население. Это объяснение связывалось с конъюнктурой спроса, преодолеть негативное влияние которой казалось вполне возможным. В частности, правительство заявляло, что проблема дефицита синтетических моющих средств и мыла будет решена уже в 1989 году. Закупки населением этих товаров впрок вызвали ажиотажный спрос, чем и объяснялся их дефицит. Правительство уверяло депутатов: «Сейчас мы имеем данные, что положение еще, конечно, робко нормализуется, но оно должно нормализоваться быстро, потому что по товарам первой необходимости у нас есть четко отработанная программа, направленная на то, чтобы устранить дефициты в торговле, причем сделать это планируем в ближайшее время»⁴³. Но справиться с дефицитом товаров народного потребления правительству не удалось. Особенно остро он проявлялся на региональном уровне (см., напр. [Мамяченков 2018]).

Проблемы неравенства доходов и разбухания административного аппарата

Неуправляемое возрастание прибыли предприятий приводило к росту дифференциации населения по уровню доходов, прежде всего заработной платы. Господство централизованно устанавливаемых и контролируемых государством систем оплаты труда, лежащих в основе политики уравнивания доходов населения, в условиях экономической реформы подрывалось использованием различных методов, позволяющих значительно повысить размеры оплаты труда отдельным работникам, в частности путем использования премиальных фондов или созданием новых управленческих структур. В своем докладе В.С. Павлов отмечал тот факт, что заработная плата работников проектно-конструкторских и научных организаций в 1988 году выросла в 1,5 раза и темпы ее роста сохранились и в 1989 году, хотя реального роста эффективности производства в обслуживаемых этими организациями отраслях экономики не наблюдалось. Как отмечалось в докладе, «Комитет народного контроля СССР выявил массовые факты получения премий по 30–50 и даже более 90 должностных окладов за год»⁴⁴.

Еще одним способом реально увеличить доходы работников явилось разрешенное документами о проведении экономической реформы создание добровольных ассоциаций предприятий. Например, ассоциация «Градостроитель» установила оклады президенту ассоциации в 1500 рублей, помощнику президента в 1000 рублей, генеральному директору в 1400 рублей, шоферу в 500 рублей и секретарю-машинистке в 300 рублей⁴⁵. Для сравнения, по данным Госкомстата СССР, средняя заработная плата работников аппарата управления составляла 218 рублей, работников промышленности — 261 рубль, транспорта — 276 рублей, строительства — 305 рублей⁴⁶. Подобное увеличение оплаты труда и властью, и обществом однозначно расценивалось как «кормушки для управленцев», несмотря на формальную законность подобных действий. А потому вывод министра финансов СССР был однозначен: «Видимо, надо временно восстановить прямое ограничение верхнего предела количества премий для отдельных категорий работников, скажем, 6 окладами в год, да и с ассоциациями следует разобраться»⁴⁷. Выстроить иной, помимо административного, механизм регулирования доходов не удавалось, а потому правительство при любом отклонении реальной жизни от провозглашенных идеалов предпочитало использовать проверенные методы прошлого. Но и предприятия в тех условиях не отказывались от политики наращивания фонда оплаты труда. Например, в планах Шосткинского завода химических реактивов на 1990 год предусматривался рост заработной платы в 4,6 раза при планируемом росте производства в 2,8 раза⁴⁸.

Одним из недостатков административной системы являлось «разбухание» управленческого аппарата. Многочисленные реформы по его сокращению административными методами не давали желаемого долгосрочного эффекта. Выступая с докладом перед делегатами XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года, М.С. Горбачев говорил о результатах проделанной работы в этом направлении: «Рассмотрены и утверждены новые генеральные схемы управления. В соответствии с ними аппарат союзных ведомств сокращается на 40 процентов, в союзных республиках — наполовину, а в автономных республиках краях и областях — на треть. В рамках разворачивающейся экономической реформы и предприятия начали освобождаться от излишнего административного персонала»⁴⁹. Но пройдет чуть

⁴³ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 49.

⁴⁵ Там же. С. 49.

⁴⁶ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. IV. С. 195.

⁴⁷ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 50.

⁴⁸ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. IV. С. 99.

⁴⁹ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 6. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 370.

больше года, и министр финансов в очередной раз будет вынужден констатировать: «В серьезную народнохозяйственную и социальную проблему перерастает складывающееся положение дел с аппаратом управления в сфере материального производства. Расходы на его содержание составляют сегодня 38 млрд рублей и, к сожалению, продолжают расти»⁵⁰.

Интерпретация информации о кризисных явлениях

Таким образом, правительство СССР осенью 1989 года обладало значительной информацией, свидетельствующей о серьезности положения в экономике страны. Эту информацию о кризисном развитии уже нельзя было отнести к слабым сигналам, полномасштабный кризис стоял на пороге. Об ощущении руководством страны нарастания кризисных событий свидетельствовали слова М.С. Горбачева при закрытии первой сессии Верховного Совета СССР 4 августа: «Первая сессия Верховного Совета СССР состоялась в очень непростой период. На протяжении прошедших полутора месяцев у нас, говоря откровенно, не было буквально ни одного спокойного дня»⁵¹.

2 октября на обсуждение депутатов был поставлен вопрос о положении в народном хозяйстве и предложениях правительства по его стабилизации. Правительство представило на рассмотрение народных депутатов проект постановления, суть которого сводилась к ряду мер законодательного порядка, направленных на предотвращение снижения объемов производства в первую очередь продукции для обеспечения нужд населения; на запрещение без согласования с Советом Министров СССР закрытия производственных предприятий или вывода мощностей; на немедленное введение на Азербайджанской и Закавказской железных дорогах особой формы управления с возложением на Министерство путей сообщения непосредственного руководства работой этих дорог, а на МВД СССР, Минобороны и МПС СССР функции охраны железных дорог и работников транспорта; на запрещение организации и проведения забастовок в течение 15 месяцев на предприятиях и в организациях всех отраслей народного хозяйства; на обеспечение подготовки народного хозяйства к работе в зимних условиях⁵².

В ходе бурного обсуждения экономических проблем народные депутаты внесли ряд изменений в этот проект, и итоговый документ получил название «Постановление Верховного Совета СССР “О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства”»⁵³. Уже из самого названия документа видно, что акценты смещаются в сторону преодоления отдельных, хотя и очень острых проблем. Подводя итог обсуждению, М.С. Горбачев говорил: «Ситуация такова, что мы можем и уже начали терять управляемость экономикой, народным хозяйством. У нас еще не заработали те принципы, на которые мы должны перейти, но уже ослабли, и сильно ослабли, те, на которые мы опирались в предшествующий период. Короче говоря, ситуация такова, что мы должны видеть, что под угрозой срыва находятся все наши планы и задачи, которые мы выдвигаем на будущий год, на оставшееся время этого года и на будущий год, если мы сейчас соответствующим образом не прореагируем на эту ситуацию»⁵⁴.

Тем самым М.С. Горбачев в перечисленных выше негативных явлениях видел не угрозу экономике и стране в целом, а угрозу тому курсу, который осуществлялся под его руководством. Для снижения этой угрозы, по его мнению, не требовалось кардинальное изменение курса. «Поэтому мы должны сказать нашему народу, что это не попытка остановить процессы, не попытка наступить на горло всем тем процессам, которые идут в рамках перестройки, — продолжал он. — Нет, это вынужденные меры, которые должны остановить эскалацию негативных процессов в экономике, особенно в фундаментальных отраслях, которые могут повлечь за собой очень тяжелые последствия»⁵⁵.

То, что это было именно так, подтверждали и слова академика А.Д. Сахарова, выступившего сразу после М.С. Горбачева: «Меня взволновал общий тон обсуждения, но немножко успокоили Ваши последние слова. В ходе обсуждения, которое в целом порождено сегодняшним положением в Закавказье, в Азербайджане, пытаются распространить необходимость срочных мер на всю страну. Мне кажется это чрезвычайно опасным. Кроме того, называется пятнадцатимесячный срок, что, по моему, тоже представляет собой реакцию, не пропорциональную ситуации. Я думаю, что мы сегодня должны тушить пожар в том месте, где он возник, а не лить воду по всем помещениям, разрушая их. Это было бы чрезвычайно опасно»⁵⁶.

⁵⁰ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 54.

⁵¹ Первая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Ч. XI. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 55.

⁵² Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 206.

⁵³ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. VIII. С. 154.

⁵⁴ Вторая сессия Верховного Совета СССР. Ч. I. С. 222.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 223.

Заключение

Таким образом, осенью 1989 года возникла ситуация, когда руководство страны, обладая достаточно полной информацией о негативных изменениях экономики, не могло верно ее интерпретировать. И дело не в том, как утверждают некоторые авторы, что М.С. Горбачев выполнял западные директивы по развалу СССР [Белик 2013, 199], и не в том, что часть руководства обнаруживала «безнадежную ограниченность» во взглядах [Таубман 2019, 426]. Проблема состояла в том, что увлеченность определенной идеей управленцев приводит к тому, что понимание информации проходит сквозь призму этой идеи, искажая образ реальности и тенденции ее развития, а следовательно, оценки сложившейся ситуации и возможности по ее исправлению. Обсуждение вопросов экономического развития на сессии Верховного Совета СССР дает нам пример такого искаженного восприятия информации, имевшего огромные последствия не только для нашей страны, но и для всего мира.

Список литературы:

- Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
- Арзыматова А.А. Феномен 1989 года и последующие системные изменения в Кыргызстане. Исторический контент-анализ // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. 2016. № 3(87). С. 146–153.
- Баканов С.А. Государственный бюджет СССР в 1950–1980-е годы: динамика и структура доходов // Научный диалог. 2021. № 4. С. 272–289. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-272-279>.
- Белик Ю.А. Десять причин краха СССР. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Бугай Н.Ф., Бушуева Т.С. Накануне распада СССР: история одной дискуссии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. № 2. С. 19–48. DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-19-48.
- Букстейбер Р. Радикальная неопределенность: манифест о природе экономических кризисов, их прогнозировании и преодолении. М.: Эксмо, 2021.
- Ващук А.С. Что мы знаем о причинах и предпосылках перестройки? (Концепции и дискуссии 1989–2015 гг.) // Россия и АТР. 2015. № 4(90). С. 18–33.
- Даймонд Дж. Кризис. М.: Издательство АСТ, 2020.
- Мамяченков В.Н. Кризисные явления на рынке непродовольственных товаров Свердловской области в 1989–1991 годах // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 331–341.
- Пихоя Р.Г. Власть и экономика: на путях перехода от социалистической к рыночной модели. 1983–1989 гг. // Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 121–145.
- Полынов М.Ф. Экономические реформы в СССР в годы перестройки: от политики ускорения к экономическому кризису. 1985–1991 гг. // Клио. 2017. № 11(131). С. 75–84.
- Полынов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989–1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1(18). С. 113–127. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.107)
- Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.
- Чуев С. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издательские решения, 2020.
- Шелюто В.М. Начальный этап реформ в КНР (1978–1984 годы) как альтернатива перестройки в Советском Союзе // Россия — Китай: диалог в условиях глобализации. Сборник статей I Международного российско-китайского симпозиума. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 291–296.
- Якутин Ю.В. Академик Абалкин. Заветы российской школы социально-экономической мысли и практика перестроечных реформ // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 4. С. 116–180. DOI: [10.33983/2075-1826-2020-4-116-180](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-116-180).
- Pipes R. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015.

- Sarotte M.E. 1989: *Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.
- Transcending the Cold War: Summits, Statecraft, and the Dissolution of Bipolarity, 1970–1990 / ed. by K. Spohr, D. Reynolds. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Vogel E. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Wilson J.G. The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.

Дата поступления: 01.06.2021

References:

- Abalkin L.I. (1991) *Neispol'zovannyi shans: poltora goda v pravitel'stve*. [Unused chance: One and a half years in the government] Moscow: Politizdat.
- Arzymatova A.A. (2016) The Phenomenon of 1989 and Following System's Changes in Kirgystan. Historical Content Analysis. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo universiteta imeni Zhusupa Balasagyna*. No. 3(87). P. 146–153.
- Bakanov S.A. (2021) State Budget of USSR in 1950s–80s: Dynamics and Structure of Income. *Nauchny dialog*. No. 4. P. 272–289. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-272-279>.
- Belik Yu.A. (2013) *Desyat' prichin krakha SSSR* [Ten reasons for the collapse of the USSR]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM».
- Bookstaber R. (2021) *The End of Theory: Financial Crises, the Failure of Economics, and the Sweep of Human Interaction*. Moscow: Eksmo.
- Bugai N.F., Bushueva T.S. (2021) On the Eve of the Decay of the USSR: The History of One Discussion. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. No. 2. P. 19–48. DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-19-48.
- Chuyev S. (2020) *Perestroyka 1985–1991 gg. na Donu: litsa, sobytiya, istoricheskiye itogi*. [Perestroika 1985–1991 on the Don: Faces, events, historical results]. Moscow: Izdatel'skiye resheniya.
- Diamond J. (2020) *Upheaval: How Nations Cope with Crisis and Change*. Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Mamyachenkov V.N. (2018) Crisis Phenomenon in the Market of Non-Food Goods Sverdlovsk Region in 1989–1991 Years. *Nauchnyye Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. Vol. 210. No. 2. P. 331–341.
- Pikhoya R.G. (2019) *Vlast' i ekonomika: na putyakh perekhoda ot sotsialisticheskoy k rynochnoy modeli. 1983–1989 gg.* [Power and the economy: On the path of transition from a socialist to a market model. 1983–1989]. *Raspad SSSR: diskussii o prichinakh, obstoyatel'stvakh i posledstviyakh*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. P. 121–145.
- Pipes R. (2015) *Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Polynov M.F. (2017) Economic Reforms in the USSR in the Years of Perestroika: From Acceleration Policy to Economic Crisis. 1985–1991. *Klio*. No. 11(131). P. 75–84.
- Polynov M.F., Tarasova E.A. (2017) The Transition to the Market Economy in USSR during Perestroika: The Creation of the Concept, 1989–1991. *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 1(18). P. 113–127. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.107).
- Sarotte M.E. (2009) *1989: Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shelyuto V.M. (2019) The Initial Stage of Reforms in China (1978–1984) as an Alternative to Perestroika in the Soviet Union. *Rossiya — Kitay: dialog v usloviyakh globalizatsii. Sbornik statey I Mezhdunarodnogo rossiysko-kitayskogo simpoziuma*. Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet. P. 291–296.
- Spohr K., Reynolds D. (eds.) (2016) *Transcending the Cold War: Summits, Statecraft, and the Dissolution of Bipolarity, 1970–1990*. Oxford: Oxford University Press.
- Taubman W. (2019) *Gorbachev. His Life and Times*. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS.

Vashchuk A.S. (2015) What Do We Know about Reasons and Background of Perestroika? (Concepts and Discussions of 1989–2015). *Rossiia i ATR*. No. 4(90). P. 18–33.

Vogel E. (2011) *Deng Xiaoping and the Transformation of China*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wilson J.G. (2014) *The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Yakutin Yu.V. (2020) Academician Abalkin. Precepts of the Russian School of Socio-Economic Thought and the Practice of Perestroika Reforms. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye*. No. 4. P. 116–180. DOI: [10.33983/2075-1826-2020-4-116-180](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-116-180).

Received: 01.06.2021